данных и методов определяется как раз современным уровнем развития социально-гуманитарных наук, который либо составляет их принципиальную специфику, либо свидетельствует об их теоретической незрелости.

Вульгарный технократизм – это идеология акцента на «hardware», «железе» в процессах социального управления и строительства. Просвещенный технократизм – это идеология, исходящая из важности «software», или политической и корпоративной культуры. Неотъемлемым элементом последней являются операционально заточенные, аналитически проработанные, обогащенные опытом систематического применения и экспертизы прикладные знания и методы социально-гуманитарных наук. Если не учитывать это ограничение, то возникает соблазн зачислить в разряд социальных технологий танцы дождя, святое причастие, кровную месть, барщину с оброком, коррупцию, благотворительность, концерт поп-музыки, пытки и казни. Эти и ряд других распространенных социальных практик по форме напоминают социальные технологии, поскольку эффективно воздействуют на людей, программируют их сознание и деятельность. Можно ли их полностью заменить чисто технологическими решениями? Уверенности в этом нет. Но разве не стоит к этому стремиться?

Социальные технологии, их производство и потребление

Б.Г. ЮДИН

Модус существования современного общества со значительной долей определенности может быть охарактеризован как технологический. Мы все больше привыкаем воспринимать окружающий мир, не только природный, но и социальный, а зачастую и самих себя как поле для осуществления самых разнообразных технологических воздействий. Между тем укорененная традиция побуждает нас ассоциировать технологии прежде всего с тем, что построено на основе естественно-научных знаний, хотя такое представление все меньше отвечает сегодняшним реалиям. В данной статье мы попытаемся нащупать некоторые связки, переходы, а вместе с тем и различия между естественно-научными и социально-гуманитарными технологиями.

Термин «технология» зачастую понимается чрезвычайно широко, его относят если не к каждой отдельной, то по крайней мере ко всякой более или менее регулярно повторяющейся человеческой деятельности. Учитывая это, имеет смысл найти такие контуры, которые

позволяли бы как-то отграничивать то, что следует относить к технологическому. Эта проблема также будет затронута нами.

Начнем со следующей констатации: современная наука все более отчетливо выступает как деятельность, направленная прежде всего на генерирование новых технологий. Применительно к технологиям, возникающим на базе естественных наук, эта констатация представляется едва ли не самоочевидной (хотя далеко не все последствия такой роли науки столь же очевидны).

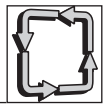
Для того чтобы уточнить нашу трактовку технологии и технологического, обратимся прежде всего к хорошо известной оппозиции «естественного» и «искусственного». Оба члена этой фундаментальной для всякой культуры оппозиции несут в себе очень мощный ценностный заряд, который для каждого из противопоставляемых понятий бывает либо положительным, либо отрицательным.

(1) «Естественное» может восприниматься как дикое, неосвоенное, чуждое, неокультуренное, хаотичное, неорганизованное, неразумное, как источник опасностей и угроз. Тогда «искусственное», напротив, будет представляться освоенным, окультуренным и своим, близким, организованным, упорядоченным, а также и тем, что дает прибежище и защиту.

(2) Либо, напротив, «естественное» будет выступать в качестве чего-то существующего вне и помимо нас, обладающего собственными законами и потенциями своего бытия, собственным устроением, порядком и организованностью. Оно, стало быть, может восприниматься не просто как безразличный материал для нашей деятельности, но и как нечто самоценное, а также и то, чему мы можем внимать, в том числе и для извлечения каких-то уроков. При такой трактовке то, что будет пониматься под «искусственным», – это прежде всего вторичное, заведомо несовершенное, не более чем подражание – более или менее удачное – естественному, нечто, быть может, несущее «естественному» (а вследствие этого, между прочим, и самому себе) угрозу разрушения.

Трактовка (1) может показаться не очень популярной для нашего времени, особенно в связи с широким осознанием негативных экологических последствий деятельности человека. Но эта видимая непопулярность никоим образом не отменяет того, что на более глубоких уровнях своего сознания современный человек в целом чрезвычайно привержен деятельностной, или технологической, установке, связанной со стремлением так или иначе упорядочить, организовать и даже поставить на службу своим интересам хаос «естественного».

«Искусственное» в таком случае – не просто сделанное человеком; это не только техническое, но и рационально определенное и опосредованное, спроектированное, замышленное, то, в чем заключена и выражена собственно человеческая деятельность. Таким образом, для раскрытия оппозиции «естественного» и «искусственного»



имеет смысл различать натуралистическую и деятельностную установки сознания.

Одним из выражений деятельностной установки можно считать тот пафос, который подчас бывает связан с радикальным отвержением наличной ситуации. Натуралистическое созерцание выступает при этом как синоним некритического отношения к существующей социально-культурной ситуации, признания ее правомерности, согласия с ней, конформизма. Деятельностная же позиция, напротив, будет ассоциироваться с императивом радикального преобразования существующего положения дел. Здесь имеет смысл обратиться к еще одной ценностной (впрочем, не только ценностной) альтернативе: мы можем придерживаться либо ценностей изменения и тогда окажемся в фарватере «искусственного», деятельностного, либо ценностей сохранения и тогда окажемся ближе к установкам «естественного», созерцательного.

Имеет смысл несколько более развернуто провести различение двух ценностных ориентаций в отношении мира природы, включая и живую природу, и даже природу человека и общества. Одна из них выражает ценности сохранения и акцентирует необходимость оберегать, защищать существующий порядок вещей, который может быть легко и необратимо разрушен нашими грубыми и неразумными действиями. Подобные мотивы особенно очевидны в восприятии экологических проблем и того, в каких направлениях ищутся их решения. В частности, они проявляются в настороженном отношении к биотехнологическим вмешательствам, таким, как введение в окружающую среду генетически модифицированных организмов.

Безусловно, во имя сохранения нам приходится производить немало изменений; однако все эти изменения направлены на восстановление некоторых (воспринимаемых в качестве естественных) поврежденных или нарушенных условий, состояний, структур, процессов, функций.

Согласно другой ценностной ориентации, мы можем ставить наши интересы и стремления выше императивов сохранения окружающей нас природы (включая, впрочем, и нашу собственную). Природа воспринимается прежде всего как сырье, которое подлежит преобразованию, более или менее радикальным изменениям в соответствии с нашими замыслами и посредством наших технологий, во имя того, чтобы мы могли достичь своих целей. Это значит, что природа понимается как нечто лишенное собственной внутренней ценности и значимости.

Эту оппозицию двух ценностных систем можно представить и как противостояние позиции натуралиста как наблюдателя (стремящегося как можно ближе подойти к идеалу «чистого» наблюдения) феноменов внешнего и внутреннего мира, с одной стороны, и позиции естествоиспытателя, т.е. исследователя, осуществляющего ак-

тивные вмешательства и в конечном счете производящего изменения в мире, – с другой.

Ярким выразителем первой позиции является И. Гёте, призывавший «видеть вещи, как они есть». Конечно же, нынешняя философия науки считает такую позицию «чистого наблюдателя» чересчур наивной, не учитывающей конструктивные возможности нашего познания и даже больше – самого нашего восприятия. Тем не менее эта позиция – позиция «благоговения перед природой» (включая швейцеровское благоговение перед жизнью), несмотря на ее тщательно разобранные слабости, не лишена и некоторых достоинств.

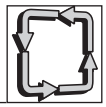
Согласно этой позиции, мы познаем природу для того, чтобы постичь ее красоту, либо восхититься ее совершенством, либо (в более современных версиях) попытаться спасти ее. Природа существует на своих собственных основаниях и как таковая заслуживает уважения безотносительно к нашим желаниям и намерениям.

Вторая позиция очень часто воспринимается в качестве наиболее адекватного выражения духа науки как прежде всего исследования. Если наука натуралиста – это наука наблюдения, описания, классификации, постижения природы, наука существующего, то наука исследователя – это наука вмешательства, воздействия, эксперимента как испытания природы, изменения, наука возможного. Одним из наиболее влиятельных выразителей второй позиции стал К. Маркс, в частности в его знаменитом 11-м тезисе о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»[4]. Принято – и вполне справедливо – толковать слово «философы» в этом афоризме расширительно, включая всех тех, кто специально занимается объяснением мира, т.е. прежде всего ученых. Критика Маркса, следовательно, направлена здесь против позиции, претендующей на объяснение мира таким, каков он есть сам по себе, до и помимо каких бы то ни было человеческих вмешательств.

В контексте предыдущих тезисов о Фейербахе нетрудно увидеть, что Маркс по сути отождествляет «объясняющую» интенцию с созерцательной установкой предшествующего материализма. Такое отождествление, вообще говоря, не вполне справедливо, поскольку существует немало концепций, согласно которым объяснение и понимание мира (точнее, его отдельных так или иначе выделенных фрагментов) возможно не в форме чистого созерцания, а именно постольку, поскольку мы воздействуем на эти фрагменты, т.е. взаимодействуем с миром, а значит, и изменяем его.

В «Тезисах о Фейербахе», таким образом, совершенно отчетливо противопоставляются две установки: с одной стороны, созерцатель-

[4] *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 4.



ная, натуралистическая, нацеленная «только лишь» на объяснение, и, с другой стороны, установка, которая ставит во главу угла изменение мира и которую можно интерпретировать как технологическую, проектную, конструкторскую и т.п., причем совершенно очевидно, что именно последней отдается предпочтение.

Стоит обратить внимание на то, что один, и весьма существенный, вопрос остается у Маркса открытым: коль скоро мы действуем, изменяя мир, будет ли истинное, подлинное объяснение следствием, пусть даже побочным, нашей деятельности по изменению мира, либо же сам поиск такого объяснения лишен смысла? Сам Маркс скорее всего склонялся к первому ответу, но в логике его рассуждений и второй ответ отнюдь не выглядит неприемлемым.

Таким образом, исследование выступает не только как познание мира как он есть сам по себе, мира естественного, но и как преобразование этого естественного мира, т.е. как создание мира (а точнее, миров) искусственного. И в этой своей ипостаси исследование оказывается прообразом технологического способа освоения, более того, видения мира.

Исследование, в частности экспериментальное исследование, – это создание для изучаемого объекта (или явления, или процесса) таких условий, которые позволяют контролировать оказываемые на него воздействия. При этом внешние воздействия на объект так или иначе ограничиваются, контролируются, благодаря чему можно бывает абстрагироваться от воздействия одних факторов, чтобы определить, какие изменения вызывает действие других, непосредственно интересующих исследователя. Достижение этой цели становится возможным вследствие того, что экспериментатор создает специальный прибор, или аппарат, или устройство – обобщенно будем все это называть экспериментальной установкой, обеспечивающей воспроизводимый и четко фиксируемый, измеримый характер оказываемых на объект воздействий.

Со временем, однако, выясняется, что тот контролируемый и воспроизводимый эффект, который обеспечивает работа экспериментальной установки, может представлять интерес и помимо решения задач, стоящих перед экспериментальным исследованием. Если, скажем, для решения этих задач требуется получение особо чистого вещества или выращивание колонии микроорганизмов, то такое вещество или такие микроорганизмы могут найти применение в производственных процессах, где они позволят получать уже не исследовательский, а потребительский и, следовательно, коммерческий эффект. Таким образом, сама экспериментальная установка и способы работы с ней – разумеется, после соответствующих трансформаций – преобразуются и, попадая в иной контекст, выступают уже в качестве новых технологий.

В исследовательском контексте экспериментальная установка проектируется и конструируется в соответствии с определенным замыслом – для проверки, обоснования или подтверждения той или

иной научной гипотезы. С точки зрения этой гипотезы конкретные результаты проводимых на установке экспериментов могут быть как положительными, так и отрицательными; однако сама природа этих результатов задана вполне определенно. Установка изначально задумывается и проектируется как средство получения именно таких результатов. Иными словами, экспериментальная установка есть порождение рациональной и целенаправленной деятельности. И эти же свойства рациональности и целенаправленности являются необходимыми признаками всякой технологии, как и в целом технологического отношения к миру.

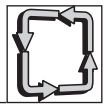
Необходимо, впрочем, отметить и глубокие различия между двумя рассматриваемыми способами использования экспериментальной установки.

В первом случае, в контексте исследования, ее созданием и применением движет мотив искания нового и притом истинного знания. Конечно, перед лицом современной философии науки этот тезис требует существенных оговорок. Учитывая, к примеру, неоднозначный характер взаимосвязей эмпирического и теоретического уровней познания, точнее было бы говорить не об истинности, а о большей или меньшей обоснованности, достоверности знаний, получаемых за счет использования экспериментальной установки. Но, как бы то ни было, именно этот мотив достижения новых знаний с определенными качественными характеристиками стоит за ее применением в контексте исследования.

Во втором случае, если говорить о технологическом контексте, вопросы истинности, качества знания отходят на задний план. Можно утверждать, что в этом контексте интерес представляет не знание как таковое, не та или иная интерпретация эффекта, производимого установкой, а сам по себе этот эффект – те преобразования и превращения, которые он обеспечивает.

Вывод, к которому приводят наши рассуждения, представляется весьма радикальным: когда речь идет о науке как источнике новых технологий или же о технологиях, порождаемых развитием науки, эти выражения следует понимать не только и, может быть, даже не столько в том смысле, что за новыми технологиями стоят результаты научных исследований, но прежде всего в смысле заимствования из науки тех схем и структур деятельности, которые способны порождать воспроизводимые и в тех или иных отношениях полезные эффекты. Опираясь на эти соображения о природе технологического в целом, можно более обстоятельно и содержательно обсуждать специфические характеристики гуманитарных технологий.

Прежде всего следует уточнить наше понимание терминов «гуманитарные» и «социальные» применительно к технологиям. Различие между ними довольно простое – там, где речь идет о технологических воздействиях на индивида (или на индивидов), имеет смысл говорить



о гуманитарных технологиях; там же, где речь идет о воздействиях на социальные общности любого масштаба, имеет смысл говорить о социальных технологиях. По сути дела это означает, что очень часто одни и те же воздействия можно относить и к одному, и к другому виду.

Эффективное использование тех и других технологий, как и их широкое распространение, во многом обязаны тому, что общество вступило в стадию информационного общества: информация является «субстанцией» этих технологий, а возможности их эффективного применения, вообще говоря, тем шире, чем больше людей могут подвергаться их воздействию.

Если обратиться к развитию социальных и гуманитарных технологий в нашей стране, то нельзя пройти мимо творчества видного отечественного философа и методолога Георгия Петровича Щедровицкого (1929–1994). Напомнив рассмотренное ранее различение естественного и искусственного, сразу же отметим, что Щедровицкий был непримиримым противником «естественного» и, напротив, приверженцем «искусственного». Методологическая работа для него и была необходимым условием проектно-конструкторско-технологического отношения к миру. Объектом его резкой критики, в частности, был натурализм, свойственный традиционной науке: «Традиционные науки не дают знаний, необходимых для этой (организационно-управленческой. – *Б.Ю.*) деятельности; объясняется это прежде всего сложным, синтетическим, или, как говорят, комплексным, характером этой деятельности и аналитическим, или “абстрактным”, характером традиционных научных дисциплин (курсив мой. – *Б.Ю.*)»[5]. Иными словами, существующие научные знания в силу своей абстрактности заведомо не подходят для решения новых задач; необходимы новые формы функционирования науки и новые способы ее подключения к тем сферам деятельности, которые становятся наиболее значимыми для жизни общества. Далее дается характеристика методологической работы как работы, основной смысл которой – генерирование новых средств и инструментов деятельности: «Суть методологической работы не столько в познании, сколько в создании методик и проектов, она не только отражает, но также и в большей мере создает, творит заново…»[6].

А затем еще более четко: «И этим же определяется основная функция методологии: она обслуживает весь универсум человеческой деятельности прежде всего проектами и предписаниями. Но из этого следует также, что основные продукты методологической работы – конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т.п. – не могут проверяться и никогда не проверяются на истин-

[5] *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М., 1995. С. 280.

[6] Имеет смысл отметить, что Щедровицкий характеризовал методологию как технологию мышления.

ность. Они проверяются лишь на реализуемость»[7]. В данном случае речь идет о методологии, о методологической работе, но ясно, что такую работу Щедровицкий понимал чрезвычайно широко. Можно даже утверждать, что, с его точки зрения, она включает в себя едва ли не всю сферу социальных и гуманитарных наук, но, конечно, не аналитических, «абстрактных», а понятых особым образом: «Научно-техническая революция… поставила сейчас, в начале 1970-х гг., задачу синтеза в инженерии технических, естественных и социально-гуманитарных знаний, а вместе с тем – и этих наук. Дальнейшее развитие всех этих областей, и в первую очередь самой инженерии, без ориентации на гуманитарные науки, на мой взгляд, просто невозможно. Но синтез такого рода сегодня упирается, как мне кажется, в неадекватность самих гуманитарных знаний»[8].

Перед нами проект создания гуманитарного знания нового типа – знания по своей сути не предметного, а технологического. Вообще говоря, традиционное гуманитарное знание ориентировано на понимание социального и человеческого мира, а выражением его результативности являются прежде всего интерпретации и переинтерпретации этого мира – постольку, поскольку эти интерпретации получают признание. Интерпретации, получившие признание, могут затем становиться основаниями, определяющими человеческие действия (становятся материальной силой, если воспользоваться известным выражением). В таком их функционировании уже заложены элементы технологичности гуманитарного знания – в той мере, в какой оно используется для изменения (социальной и человеческой) реальности. Однако Щедровицкий идет гораздо дальше по пути технологизации гуманитарного знания, трактуя его не как знание о тех или иных предметах вне нас, а как рецептуру наших действий, направленных на достижение преследуемых нами целей.

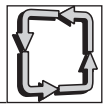
Принципиально важным в этом смысле представляется проводимое Щедровицким различение и даже противопоставление результативности и истинности; здесь он прямо апеллирует к Марксу: «продукты и результаты методологической работы в своей основной массе – это не знания, проверяемые на истинность, а проекты, проектные схемы и предписания. И это неизбежный вывод, как только мы отказываемся от узкой, чисто познавательной установки, принимаем тезис К. Маркса о революционно-критическом, преобразующем характере человеческой деятельности»[9].

Хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, Щедровицкий в этих рассуждениях характеризует познавательную установку с ее ориентацией на истинность не только как абстрактно-аналитическую, но и как узкую, стало быть, – ограниченную. Проблема истин-

[7] *Щедровицкий Г.П.* Указ. соч. С. 95.

[8] Там же. С. 439.

[9] Там же. С. 96.



ности гуманитарного знания отнюдь не является простой и при традиционном его понимании как знания не столько объясняющего, сколько интерпретирующего, понимающего. Тем не менее познавательная установка с ее необходимостью так или иначе полагать объект, подлежащий пониманию и интерпретациям, пусть даже самым различным, как нечто существующее независимо от конструирующего мышления, задает ограничения, которых нет перед установкой проектно-деятельностной. Теперь же оказывается, что эта познавательная установка ограничивает возможности применения социально-гуманитарного знания.

Во-вторых, речь у Щедровицкого идет – а это для того времени было совершенно новым и в силу такой новизны трудно фиксируемым – о том, что неадекватен сам традиционный процесс (или путь) получения гуманитарных или социально-гуманитарных знаний. Возможность не просто их применения, но и производства в сугубо технологической, утилитарно-функциональной перспективе представляет собой глубокий разрыв с существовавшими тогда представлениями о том, как устроено и как «работает» гуманитарное знание.

Ныне же мы являемся свидетелями того, как находит свое воплощение многое из того, что в 1970-е гг. могло видеться лишь как более или менее отдаленная перспектива. Социальное и гуманитарное знания все чаще выступают в технологических формах, будучи направленными не столько на объяснение, сколько на изменение реальности. Деятельностная установка основательно потеснила натуралистическую.

В наши дни, говоря о социальных и гуманитарных технологиях, нет надобности далеко ходить за примерами: многие из них сегодня стали ходовым товаром. Они, что называется, на слуху, а некоторые даже вызывают самое широкое негодование. Сколько гневных слов, скажем, было обращено в адрес политтехнологов, т.е. тех, кто переводит на технологические рельсы решение каких-либо политических задач. Задачи эти, как правило, носят ограниченный и вполне конкретный характер. Чаще всего речь идет об обеспечении благоприятных для «клиента» итогов выборов.

Эти ограниченность и конкретность – обязательные атрибуты любой технологии. Результат ее применения уже в исходной точке должен быть задан со всей определенностью, позволяющей оценить, действительно ли удалось его достичь.

Характерной особенностью современных социальных и гуманитарных технологий является то, что в большинстве случаев результатом, на получение которого они направлены, является та или иная поведенческая реакция индивида (опять-таки зачастую массового) – скажем, голосование за определенного кандидата в случае применения выборной политтехнологии. В определенном смысле политтехнологом можно было бы назвать идеологического работника недавнего прошлого; однако между ним и современным технологом имеются серьезные различия.

Задачей идеологического работника было воздействие на глубинные слои личности, формирование или изменение ее ценностей и, таким образом, ее существенное изменение в направлении некоторого идеала. Однако сам этот идеал был выражен весьма расплывчато, что не позволяло сколько-нибудь строго оценивать эффективность воздействий.

Современного же политтехнолога мало волнуют глубокие слои личности – ему важен четко фиксируемый результат, скажем, голосование за кандидата А. Можно говорить о том, что его подход – чисто симптоматический. Его интересует не личность как таковая, а возможности манипулирования ее (так или иначе эмпирически фиксируемым) поведением.

Технологии в социальных и технических системах: социально-гуманитарный анализ

Л.А. МАРКОВА

Чтобы разобраться в происхождении понятия «социальные технологии» и его значений, попробуем отталкиваться от понятий «техника» и «технология». Под техникой понимают обычно отдельный материальный предмет (или их совокупность), созданный человеком и призванный облегчить его жизнь. Технология – это тот или иной способ использования технических устройств, очень разнообразных, таких, как паровоз, электростанция, самолет, автомат Калашникова и проч. Способов много, они со временем меняются, как и сама техника, приспосабливаясь к потребностям человека. Изначально техника машинного производства создается по законам естествознания и призвана прежде всего многократно увеличивать *физические* возможности человека. Духовные потребности в занятиях наукой, искусством остаются в области свободного времени, за пределами производства, в рамках которого человек непосредственно имеет дело с техническими артефактами и законами их функционирования. Такое вытеснение духовности из области, где доминируют сугубо технические отношения, в некую «башню из слоновой кости», имеет, безусловно, и положительное значение. Над человеком творческих профессий не довлеет тяжесть отношений (прежде всего экономических), порождаемых непосредственным контактом человека с техникой. Отношения людей не только в области науки и искусства, но и в быту, в семье, между односельчанами, одноклассниками или солдатами в армии не определяются напрямую техникой. Техника и социальность практически не